

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

Идегей – герой «замятни»

В образе Йусуфа представлен сугубо положительный герой, посвятивший свою жизнь торжеству ислама. Не менее популярный эпос «Идегей» демонстрирует нам образ противоречивой личности Идегея, причастного к распаду Золотой Орды. Что же он символизирует? Чем объясняется популярность этого эпоса, ведь народ в принципе не называет разрушителя героем?

Любой герой в мифологии, эпическом сюжете, а также в современных романах движется по аналогии с солнцем: восходит как заря, движется к полудню, переступает полдень и склоняется к вечеру, затем погружается в ночь, чтобы наутро в своем потомстве воскреснуть для нового круговорота жизни. Герои растут не по дням, а по часам, поскольку они рождаются не в собственном смысле, а возрождаются из прошлого с тем, чтобы в новой жизни донести новые символы, выражающие человеческие страсти.

Идегей в два года начал «словом своим исцелять», в три года начал книги читать и дальше столь же стремительно удивлял своими способностями: стал ловким ездоком, метким стрелком, знаменитым силачом. Затем появляется намек на одну из центральных тем эпоса – защиты бедных людей:

*В одиннадцать лет –
словотворцем стал,
За бедных людей –
ратоборцем стал.
Мужем стал в двенадцать лет,
Во всем народе славен был
И Алпамышу равен был.*

Позиция Идегея как героя, т.е. алпа, очень естественна для татарских легенд. Характерно, что предания о героях заканчиваются, как правило, тем, что главный персонаж становится ханом**. Мешэк Алп после жизненных перипетий женился и сел на ханский трон¹. В другом повествовании о Йестэ Мунке точно такой же эпилог². Кадыш Мерген победил врагов и стал ханом³. Алтаин Саин Сум в конце истории со счастливым концом тридцать дней праздновал, сорок дней справлял свадьбу и затем народ его избрал ханом⁴. В следующем дастане отец женит сына и отдает ему свой трон, и т.д.

Хан олицетворяет нечто «божественное», надежду на справедливость, благополучие, осмысленность жизни. Поэтому было естественным видеть героя на троне. Но ханом мог быть только чингизид. Никакие выдающиеся качества не могли сделать личность ханом. В этом отношении характерен исторический эпизод с Тохтамышем. После Куликовской битвы Мамай бежал в Крым и Тохтамыш преследовал его с тем, чтобы оконча-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, №№ 1, 2, 3, 4; 2012, № 1, 2.

** Не существенно то, что иногда персонаж называется падишахом или эмиром. Для рассказчика важно, что это символ «божественного» на земле.

тельно добить. Воины Мамая, узнав, что их преследует сам хан, перешли на его сторону без боя, т.е. в общественном сознании чингизид воспринимался как законный наследник трона в отличие от любого князя или мурзы.

Эпос «Идегей» с первых строчек намекает на основную сюжетную линию – потерю ханом трона. Эмир Тимур посылает письмо хану с требованием отдать ему черного сокола по имени Тюкли Аяк*, тем более он помог Тохтамышу в молодости сесть на престол:

*«Черный сокол Тюкли Аяк,
Если вблизи и вдалеке
Славой он стал девяти стран,
Славой, гремящей из края в край,
Сокола мне передай!»⁵.*

Сокол и орел символизируют державность, а потому требование Тимура означает подчинение его власти. Возмущенный хан отвечает, что он из рода Чингиза, а хромоногий Тимур всего лишь из рода эмира Бырласа. Для Тимура это слабый аргумент, поскольку он уже захватывал владения чингизидов в Азии, не считаясь с их родословной. Не обсуждая вопрос политических интриг в ту эпоху, отметим моменты, характерные для героических эпосов.

Существенно, что потомство сокола оказывается у Тимура, с чего и начинается вся интрига эпоса. А это явный намек на то, что в конце повествования Тохтамыш потеряет власть. Образ птицы в легендах всегда несет в себе особое значение как знак, как предупреждение, и подобная символика была понятна жителю средних веков. Не случайно в эпосе в конце повествования вновь всплывает образ державной птицы. Теперь уже во сне Тохтамыш видит, как его орел улетел от него, из чего мудрый старец делает вывод: «Значит, – не приведи Ал-

лах, – не удержишь державу в руках, – ту, что тебе оставил Чингиз». Предсказание сбылось и наследственное право не стало гарантией сохранения власти. Эмир Тимур и бий Идегей победили чингизида, хотя и ценой разрушения государства.

Хан, независимо от своих родовых корней, в случае неспособности обеспечить благоденствие страны, теряет свое «божественное» лицо и становится рядовым участником драмы. В следующих словах выражена квинтэссенция всего сюжета эпоса «Идегей»:

*– Владыка мой хан, великий мой хан!
Что останется, если земля уйдет?
Народ без земли останется!
Что останется, если уйдет народ?
Страна без людей останется!
Что останется, если страна уйдет?
Матери молоко останется!
А если и молоко пропадет?
Язык, сосавший белую грудь,
Язык сладкогласный останется!
Язык пропадет, уйдут слова –
Письмо мудреца останется!
Погибнет мудрая голова,
Но кровь в потомстве останется!
А если потомство погубить,
Все поколение перебить,
Чужеземец в стране останется!
Судьбою сраженный навсегда,
Потомства лишенный и гнезда,
Блеющий, как дурной баран,
Хан одинокий останется!»⁶.*

Поэма написана в период распада страны, смуты, междоусобицы, бесконечных дворцовых переворотов, разрушения экономики. Любое художественное произведение – это ответ на появившуюся проблему, а проблема возникает из-за отклонения от нормы. В стабильном состоянии все негативные тенденции сбалансированы позитивными, нормы и ценности стягивают как обручи общество в целостность. Но любое сопротивление норме разбивает

* Имя сокола можно перевести как Легкая Нога, что намекает на хромоту Аксак Тимура.

гармонию, и сознание расщепляется на противоположности, выражаясь на поверхности как борьба «божественного» и «демонического». Серьезная проблема неизбежно ведет к регрессии общественного поведения, выходом из которого является возникновение ценностей, способных трансформировать общество в иное состояние.

Раздвоение сознания и поведения достаточно ясно видно в эпосе, но более разительный пример демонстрирует реальная судьба Ногайской Орды, в которой противоречивость натуры Идегея вылилась в трагедию, завершившуюся полным уничтожением государства. Это происходит несколько позже событий, описываемых в эпосе, но для понимания самого явления важно, отступив от хронологии, обратиться к последующим историческим событиям.

В эпосе Тимур спрашивает у Идегея: «Кто ты такой?», и он отвечает:

*«Нугая лучезарный дом –
Вот откуда мой приход,
Вот каким я прибыл путем!»*

Исторически после распада Золотой Орды в Ногайской Орде возникают различные «партии», по-разному относящиеся к экспансии Москвы. В период активных наступательных походов Ивана Грозного отношения бея Юсуфа, отца Сююмбике, сторонника защиты Казани и Астрахани от посягательств Московии, и его брата Исмаила, настроенного промосковски, обострились до предела. Бей Юсуфа возмутило то, что Исмаил собирался поддержать русских при взятии Астрахани. Распря закончилась убийством Юсуфа* и провозглашением беим Исмаила. Москва торжествовала, а степная цивилизация агонизировала. Русский посол писал царю: «А нагаи, го-

сударь, изводятца, людеи у них мало добрых [т.е. зажиточных], да голодны, государь, необычно нагаи и пеши. Много з голоду людеи мрет... Земля, государь, их пропала, друг друга грабит... Взяла их нужда великая, в Нагаех люди голодни»⁷. Обращения Исмаила к Москве за помощью не нашли отклика. Ногайцы стихийно устремились в Астрахань в надежде на своего союзника – русского царя, но там к ним отнеслись довольно коварно: «Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали...»⁸. К вымиравшим «бусурманам» сочувствия не было. Исмаил жаловался царю: «Ото всех людеи тебя для есми отстал. Изначальные наших четырех царев дети и нашего отечества дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал... Отец и брат был стареишеи Юсуф князь, и от тово тебя для отстал есми, и от племени есми отстал тебя же для, и от сынов своих отстал тебя ж для. А молвили мне: ты деи будешь русин! – да потому от меня отстали. Учинил еси меня в укор недругом моим». Бей Исмаила начали покидать не только враги, но и соратники и даже двое сыновей откочевали в Крым к родственнику хану Девлет-Гирею. Там их ограбили и братья еле унесли ноги, причем один из них попал в плен к донским казакам. В конце концов, они вернулись к отцу, приведя из многочисленных подданных пятнадцать человек. С.М.Соловьев по этому поводу пишет: «Так дорезывали кочевники друг друга в приволжских степях, приготавливая окончательное торжество Московскому государству»⁹. Это яркий пример того, как потерявшее гармонию сознание выливается в противостояние, а отсутствие лидера, способного выдвинуть новые интегративные цели, приводит к доминированию «демониче-

* Ирония судьбы заключается в том, что сыновья антимосковски настроенного Юсуфа оказались в Московском царстве и стали известны как князья Юсуповы. Этот род был одним из богатейших в России и активно влиял на политику страны.

ского» начала в поведении, а вслед за этим и быстрой деградации народа.

Герой – символ человеческих страстей, а в переломные эпохи – выражение всех противоречий, из которых он должен предложить выход. Герой – страстное желание достичь света, праведного сознания и поведения. Время смуты – время, потерянных дорог, которые могут завести в глухой лес. В такое время легко сбиться с пути, стать странником, ищущим свои корни.

Идегей несет в себе противоречия раздвоившегося мира. Традиционно герой в мифологии имеет не только человеческое, но и «божественное» или же «демоническое» начало. В сцене смерти Кара-Тиин-Алып есть строки о демоническом рождении Идегея:

*Поводов для гордости нет:
И я родился от пэри на свет.
И ты родился от пэри на свет:
Старшего брата ты убил!
Не уходи, Идегей, подожди,
Не выслушав, не уходи,
Слишком вина твоя тяжка!
Если бы досыта ты всосал
Материнского молока,
Ты б тогда милосердным был¹⁰.*

Символика материнского молока очень важна в легендах. В эпосе имеется в виду не физическая мать, а причастность к родине, к своим корням. У Идегея отсутствует милосердие к своей собственной стране – вот источник проблем. Умиравший Кара-Тиин-Алып предсказывает, что Тимур, к которому бежит Идегей, не станет избавителем, а разорит страну, поработит народ, используя его силу. И к этому добавляет:

*Из приказов твоих ни один
Не исполнит твой сын Нурадын.
Ссориться ты будешь с ним,
И, поспорив, станешь кривым,
Окривеешь на правый глаз!¹¹.*

Разрыв с сыном – это тяжелое предсказание, означающее, что Идегей не

может найти выхода из ситуации в стране. Внутрисемейные отношения одновременно отражают и политические интриги, тем более в эпосе они носят дополнительно символический характер – его сын не становится продолжателем дела отца. Нет наследника, нет преемственности, нет новых отношений, выводящих народ из кризиса. В этом же контексте следует понимать слепоту Идегея на один глаз, что означает односторонний взгляд на жизнь.

Идегей вначале пути оказывается обделенным родовым наследием. Спасший невинного ребенка от смерти Джантимир напутствует его: «Вступай, без роду, без племени в мир!» Идегей оказывается необычайно способным и благодаря его энергичной деятельности страна начала процветать:

*Казну Тохтамыша утроил он:
Было в ней озеро серебра,
Золота поднималась гора.
Благоденствовал народ:
Ел он мясо и пил он мед.
Приходил из далеких стран
За караваном караван¹².*

У Идегея возникал естественный вопрос: «Чем я ниже тех, кто свой род от самого Чингиза ведет?».

Всякий герой выражает общие идеи, соединяющие индивидов в коллектив. Идегей это выразил так: «Свояк – не свояк, земляк – не земляк, разве не все мы – одно?». В то же время Идегей изначально оказывается в двойственной позиции. С одной стороны, он служит Тохтамышу, с другой – он изначально обделен «материнским молоком», «без роду, без племени», без поддержки сородичей и все по вине этого хана. Он по рождению оказался в другой категории социальной стратификации, поэтому для него естественно быть сторонником социального равенства и справедливости.

Тема справедливости во все времена играла заметную идеологическую

роль. Парадигма власти в Тюркском каганате выражалась так: Бодун-Эль-Тора («Народ-Государство-Закон»). Орхонские надписи гласят, что главные цели «эля» заключены в обеспечении безопасности, порядка и справедливости. Причиной падения государства Бумына стал отход беков от принципа справедливости – так записано на камнях. И в последующие столетия идея справедливости была одной из ключевых в тюркских государствах. Уйгур Юсуф Баласагуни в 1069–1070 гг. написал в книге «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») о должном и недолжном в государственном управлении, опираясь на принцип справедливости:

*Для власти во всем
справедливость – основа,
И власть лишь во правде
жива и здорова.*

Власть хана никогда не была безграничной, он не был абсолютным монархом. Ханы обязаны были с должным уважением относиться к традициям, вере и воззрениям народа. Хан не мог принимать законы (торы) вопреки традициям. Во время выборов хана четыре человека из ведущих родов, взявшись за концы золотой кошмы, поднимали его под радостные возгласы присутствовавших при обряде и говорили: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов сажали на войлок, также жену коронуемого принца и вместе с ними обоими, сидящими там,

поднимали войлок вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар»¹³. Как пишет Плато Карпини, побывавший в 1246 г. на выборах Гююка, церемония интронизации великого хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который назывался «Золотой Ордой».

Справедливость – принцип, присущий всем мировым религиям. Это едва ли не главная смысловая и нормативная категория. Добро для людей предполагает справедливость, а справедливость не бывает без равенства.

В татарских легендах и дастанах идея справедливости выражается в самых различных вариантах. Весьма любопытны случаи социального продвижения бедных, но смысленных юношей.

В одной из легенд Алпамша много лет пас скот. Повествование о нем довольно длинное и подробное, но мы отметим только одну сюжетную линию, связанную с дочерью хана. Однажды пастуху встречается старик, который уговаривает его участвовать в соревнованиях силачей. Падишах постановил, что тот, кто сумеет три жернова мельницы поднять на гору, получит в жены его дочь по имени Сандугач (Соловей). Недолго думая, Алпамша бросает стадо и отправляется на майдан участвовать в состязаниях. Над бедным пастухом все смеются. Однако он разбивает один жернов на два куса и их зажимает под мышками, два других надевает на руки и забирается на гору, где его ожидает падишах с подарками. Затем устраивают свадьбу, отец отдает за него дочь и полцарства в придачу¹⁴. Дальнейшие перипетии судьбы весьма любопытны, но для наших целей сказанного достаточно. Мы здесь видим сюжет «Золушки» наоборот, т.е. не бедная девушка находит принца и тем самым приближается к «божественному», а бедный юноша оказывается рядом с тронном благодаря удачной женитьбе. Подобный сюжет далеко не единичный. В баите

«Ханская дочь» юноша обращается к дочери хана:

– Дочь хана, открой дверь,
взгляну на тебя,
Говорят, у тебя стан стройный,
взгляну на тебя.
– Какая тебе польза смотреть
на мой стан?
Ты разве не видел камыши
на берегу реки?
– Дочь хана, открой дверь,
взгляну на тебя,
Твой лик, говорят, лучезарный,
взгляну на тебя,
– Какая тебе польза смотреть
на мой лик?
Ты разве не видел вечерами
полную луну?¹⁵

Весь дастан построен на восхищении ее прекрасным обликом и запрете на их соединение. Юноша пытается найти пути к ней, а девушка рассказывает о препятствиях, которые надо преодолеть.

В легенде «Алтынчеч» («Златовласка») бедный юноша повстречал дочь падишаха и они вдвоем убегают из дома. За ними организована погоня. Она бросает гребень и вырастает лес, который преодолевают преследователи. Затем Алтынчеч бросает зеркальце и появляется река. Наконец, она бросает золотое кольцо и вырастают непроходимые горы. Девушка с юношей спасаются. В конце длинного повествования юношу за находчивость, чему способствует умная Алтынчеч, министры избирают новым падишахом¹⁶.

Во всех этих случаях мы видим стремление рассказчика уравнивать бедного с ханом (падишахом, эмиром) и не столько за силу, сколько за находчивость и достоинство. При этом умные дочери ханов, обладая не только красотой, но и некими волшебными достоинствами, всячески способствуют его восхождению на «вершину». В их лице «божественное» начало, лучезарный свет идет навстречу бедному, но честному и смелому юноше. Это тот кон-

текст, в котором автор дастана «Идегей» излагает свое повествование.

Вернемся к сюжету эпоса. Идея справедливости становится принципом, разделяющим Идегея с Тохтамышем, что выражено во многих строках:

*«Хан судьбу бедняка не поймет,
Недруг тайну врага не поймет,
Знатный безродного не поймет,
Сытый голодного не поймет»¹⁷.*

Следование принципам справедливости подтачивает наследственное право чингизидов, а вслед за этим неизбежно рождается идея бунта:

*«Если Сарай, если Булгар,
Если Чулман, если Нукрат,
Дети нугаев, дети татар
Свергнуть Тохтамыша хотят,
Если ждет меня мой народ, –
Будем там, где народ живет!
Мы внемлем зову родной страны»¹⁸.*

Бунт – это отход от устоявшегося, переход за пределы сложившихся норм и ценностей, но бунт сам по себе не гарантирует трансформации общества. Идегей ясно выразил идею превосходства интересов народа и страны над наследственным правом. Эта коллизия требовала своего позитивного выхода, иначе она остается чистым бунтом с непредсказуемыми последствиями. Выходом из ситуации может быть только народовластие.

*Всех собрав подневольных людей,
Освободил рабов Идегей.
Юношей запретил продавать,
Золото начал он раздавать.
...
Прежде был беспорядок, разброд,
Пребывал без совета народ.
Выбрал опытных, мудрых мужей
Учредил диван Идегей¹⁹.*

Старые порядки подтачивались задолго до Идегея. «Яса Чингизхана» во многом определила успехи Монгольской империи и ее наследников, но

со временем в разных частях Евразии «Яса» подвергалась корректировке в соответствии с особенностями страны. Это коснулось не только Китая, Персии или Центральной Азии, но и Золотой Орды. Среди заметных реформ можно назвать объявление Узбекханом ислама государственной религией вместо традиционного равенства всех религий. Сама государственность Улуса Джучи чем дальше, тем больше отходила от характера степных империй. Развивались города, торговля по рекам, в культуру проникали новые идеи исламского мира. Все это делало оседлую цивилизацию доминирующей. Волга и другие реки начали играть не меньшую роль, чем караванные пути азиатской части или Крыма. Причем значительная доля пшеницы в экспорте неуклонно усиливала роль земледельческой культуры. Урбанизация вела к росту ремесленников, торговцев. Вместе с этим менялись ценности и нормы поведения.

Роль степных улусов, прежде всего, Ногайской Орды, кочевых узбеков, а затем и казахов всегда была значительной в Золотой Орде, но кочевая цивилизация неумолимо уходила в прошлое. Не только шариат занял место «Великой Ясы», но и нравственный кодекс Чингизхана во многом оказался забытым, что видно из характерного исторического эпизода. Отец Идегея Балтычак состоял беклерибеком и он вместе с ханом потерпел поражение от Тохтамыша в 1378 г. Победитель предложил Балтычаку перейти к нему на службу, но встретил гордый отказ. Бек был казнен. Чингизхан в таких случаях отпускал с миром. Эпоха рыцарства багатуров заканчивалась. Все это имело далеко идущие последствия, поскольку на политической арене столкнулись интересы талантливых полководцев и политических лидеров

с наследственным правом чингизидов. Среди наиболее ярких личностей мы видим Ногая, Мамай, Идегея, практически расставивших по своему усмотрению ханов, но не имевших права на престол.

Ногай хитростью посадил ханом Тохту и отдал дочь свою за него. Он вел иностранные дела, поддерживая отношения с мамлюками Египта и Византией. Он даже женился на дочери Мануэля VIII Палеолога. Дочь Ногая была мусульманкой, ее притесняли и муж, и окружение. Разгневанный Ногай послал гонца и сообщил: «Люdiam известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана». По этой причине с обеих сторон запылало пламя смуты и вражды²⁰. Хан с трудом справился с Ногаем.

Еще более заметной фигурой был Мамай, который в русских летописях появляется в связи с заговором против Тимур-Хаджи в 1361 г., хотя много раньше Ибн-Халдун назвал его «одним из старших эмиров Бердибека». Мамай был талантливым полководцем и опытным политическим интриганом. Его возвышению способствовала женитьба на дочери хана Бердибека и он, таким образом, стал ханским зятем (гургеном)* и вместе с тем получил большие права, кроме одного – права на трон. Он жаждал трона настолько, что даже начал чеканить монету с титулом: «Мамай – царь правосудный» и так же, как Ногай или Идегей, правил через своих ставленников – чингизидов. Затем он предпринял поход на Москву. В случае успеха Золотая Орда фактически оказалась бы разделенной. Его союзниками выступили рязанский князь Олег, литовский князь Ягайло, генуэзцы Крыма, предоставившие в

* В политике такое явление встречается довольно часто. Идегей взял в жены дочь Тохтамыша – Джанике. Борис Годунов возвысился и впоследствии стал царем благодаря женитьбе на дочери Ивана Грозного.

его распоряжение хорошо обученную пехоту. Однако на Куликовом поле он был разгромлен, что положило конец его деятельности и содействовало возвышению Тохтамыша.

Об Идегее говорили, что «султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения». Все три выдающиеся личности были представителями Великой Степи. Именно там сохранялась доблесть воинов и политических мужей. Государственная система не могла выработать механизмов естественной инкорпорации амбициозных лидеров в структуру верховной власти, а потому раздиралась противоречием между династическим принципом, выдвигавшим слабых ханов, и реальной властью эмиров, бекклербеков, беков. Нужны были политические реформы. Их требовала торговля и финансовая система, развитая культура. Золотая Орда вплотную подошла к этапу политических преобразований, но качественной метаморфозы не произошло.

Власть хана не была безграничной. Лидеры четырех «правлящих кланов» участвовали в делах государства через систему коллективного правления, они представляли доминирующую часть населения, известного как «земля» в отличие от дивана, назначаемого самим ханом. Четыре бея-карачи составляли «государственный совет», выполнявший важную роль в управлении, – снятие, выборы и введение в должность хана, участие в иностранных и военных делах государства²¹. Именно эти четыре карачи при выборах хана выполняли ритуал его возвышения, поднимая три раза на кошке за четыре угла, затем несли хана вокруг палатки и помещали на трон и вкладывали в его руку золотой меч. Главный из четырех беев носил титул бекклербек – «бей беев» («бейлербеи»). Он отвечал за дела в армии или, по крайней мере, управлял частью армии. Декреты хана одобряли четыре карачи. Тем не менее это не представительный орган и народ в данном случае оказывался всего

лишь послушной толпой, какой он не хотел быть в силу возникших экономических проблем в Золотой Орде. Из ведущих родов в эпосе упоминаются Барын и Ширин, которые сыграли роковую роль в судьбе Идегея.

В конце пути герой, как и солнце с зарей, должен возродиться в своем потомстве. Отсутствие ясной позиции по дальнейшему государственному устройству страны приводит к тому, что сын Идегея Нурадын оказывается в оппозиции к отцу и, не находя выхода из сложившейся ситуации, выражает желание уехать на чужбину со словами: «Найду я лучший народ!». Для его матери это трагическая ситуация:

*«Ты подумай, сыночек, ты ль
Переплыть сумеешь Идиль?
Иль тебе для пути не трудна
За его берегами страна?»²².*

Переплыть Идиль и Яик означает перейти границу, грань, которая отделяет твой народ и других, оторваться от родной почвы, от могил своих предков, силы духа народа, которая хранится в отечестве. Чужбина горька. Нурадын избрал удел изгнанника.

*Он пристал к толпе кочевой,
Он кочевников стал главой,
Степь да степь – вот его удел,
Успокоить душу хотел.*

По тем временам уйти в степь, в казачьи означало стать разбойником, быть вне законов и ханской власти. Идегей страдал-горевал и решил послать за сыном послов. Однако сын, вернувшись, заявил:

*«Хочешь быть мне добрым отцом?
Или ханом себя утверди,
Иль меня на престол возведи!
Или жизнь отними ты мою,
Или сам я тебя убью.
Уходи от моей руки,
Уходи, уходи в казаки!»²³.*

По сути дела это означает катастрофу всего, что предпринял Идегей

в своей жизни, по его же собственным словам: «Это страшной войны страшной». Он жил, казалось бы, для народа, убил своего хана, привел в страну Тимура, который разорил города на Волге, в том числе священный Булгар, и в конце жизни остался без наследника. В этой ситуации важно отметить не человеческие мотивы вероломства Идегея, что обернулось ему непримиримой позицией сына. Существенно отметить отсутствие принципа государственного устройства. По сути дела Нурадын прав, когда упрекает отца в отсутствии ясной позиции. Идегей должен или сломать систему престолонаследия чингизидов и утвердить новый принцип, или же уступить место тем, кто готов нарушить старые порядки. Идегей не решается или же не способен ввести новые порядки, а потому страна раздирается противоречиями.

Любой герой – жертва, иначе он остается простым персонажем, как дровосек в сказке «Шурале», или Алпамша. Алпы как постоянные персонажи эпосов не символические герои, а богатыри. У символических героев в конце повествования наступает смерть, причем во имя народа, высших целей, они жертвенные фигуры. Идегей – жертва, но чего? Почему народ воспринимает его как эпического героя? В дастане «Идегей» нет того восхваления героя, которое мы постоянно слышим у Кул Гали о Йусуфе. Напротив, слышно явное осуждение, например, в следующих словах:

*Ты, Идегей, – свет моих глаз,
Почему же в богатый Сарай,
Почему же к вратам дворца
Ты привел Тимира-Хромца,
Чтобы он разрушил наш край?*

Идегей стал жертвой обстоятельств, т.е. принципа престолонаследия, который уже не обеспечивал благополучие страны. Символично, что добивают Идегея в последней сцене повествования Барын-бий, который саблей обезглавил его, и Шырын-бий, нацепив-

ший на копье голову Идегея. Два бия, которые сажали хана на трон, убивают Идегея – символа справедливости в раздираемом противоречиями обществе. Отсеченная голова «Идегея», повернувшись к солнцу, произнесла последние слова:

*«К свету будущий день не придет,
Если сами к нему не придем».*

Голова покатилась, солнце закатилось, а заря, которая символизирует божественное начало, возвышенные ценности и нормы, не взошла. Бунтарь Идегей стал жертвой обстоятельств, но не символом трансформации общественных отношений. Он всего лишь герой бунта, но не новых представлений в организации государства и общества. Золотая Орда распалась, татарские ханства лишь по инерции продолжали золотоордынские традиции вплоть до появления в Евразии новой империи – России.

«Долгое средневековье»

После распада Золотой Орды история Казанского и других ханств была интересной не только с точки зрения судьбы татарского этноса, но и формирования Московии и России. Но этот вопрос стоит в стороне от нашей главной темы – судьбы этноса в исторической перспективе. И здесь мы сталкиваемся с проблемой периодизации истории, которая ориентирована на европейские подходы. В Европе переход от средневековых норм и представлений к современным связывают с развитием капиталистических отношений и отходом от схоластики. В России аналогичные процессы наступили много позже – в XVIII–XIX вв. Российское средневековье, включая татарскую историю, не совпадает хронологически с европейским. Как пишет Хайек, «мышление большинства цивилизованных наций подвержено в основном одним и тем же влияниям, но проявляются они в разное время и с различной скоростью»²⁴. Аналогичная ситуация

складывалась в экономике и социальных процессах, которые трансформируются вместе с ментальностью.

Эволюция татарского мышления и общественных отношений со времени распада Золотой Орды и до XIX в. предстает как период с охранительной исламской идеологией. Затем у татар наступает «реформация», повторяющая некоторые черты европейских процессов: критику священнослужителей и богословских авторитетов, отход от схоластики в образовании и рост обучения светским предметам, появление чисто светских институтов, открытость культуры, массовое распространение книг, активное вмешательство бизнеса в общественную жизнь и др. Конечно, после падения Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств и до XIX в. татары прожили долгую в исторических масштабах жизнь, насыщенную множеством событий, побед и поражений. Однако с точки зрения трансформации этнической жизни в новое качество необходимо обозначить XIX в. как ключевой. Причем основным толчком для трансформации послужила не столько великая русская культура, вставшая на путь европеизации, сколько капиталистические отношения, потребовавшие от татар развития конкурентоспособности в условиях заведомо худших, нежели у русских и в целом у православных подданных империи.

XIX столетие традиционно относят к Новому времени, что стало общепринятым взглядом на периодизацию истории. Вместе с тем существует другая точка зрения, исходящая из внутренней логики общественных процессов. Ле Гофф пишет: «Я предлагаю ввести понятие длительного, очень долгого средневековья, базовые структуры которого развиваются крайне медленно, с III в. и до середины XIX в., то есть до того момента, когда промышленная революция, доминирующее положение Европы в мире, реальное развитие и распространение демократии (отдаленным прообразом ко-

торой являлся античный город) породили действительно новый мир, пусть даже еще не полностью свободный от наследия и традиций прошлого»²⁵. Время большой длительности не обязательно означает продолжительный отрезок времени. Ле Гофф речь ведет о том пласте истории – пласте структур, который эволюционирует и изменяется медленнее всего. Этот пласт скрывается под историей событийной, под среднесрочным стечением обстоятельств. «Период средневековья, – продолжает Ле Гофф, – также можно определить исходя из доминирующей идеологии; не отражая материальную инфраструктуру общества и не являясь духовным двигателем его истории, идеология тем не менее представляет собой одну из существеннейших деталей функционирования общественного механизма. Долгое средневековье – это эпоха господства христианства, являющегося одновременно и религией, и идеологией и находящегося в чрезвычайно сложных отношениях с феодальным миром, который оно оспаривает и утверждает одновременно. Разумеется, это не означает, что сегодня христианство умерло или умирает; однако начиная с XIX столетия оно стало утрачивать ту ведущую роль в обществе, которую исполняло с IV по XIX в., а именно роль творца идеологии, принадлежавшую ему почти монопольно»²⁶. Парадигма, предложенная Ле Гоффом, позволяет иначе взглянуть не только на европейскую, но и российскую. Несмотря на все различия между христианством и исламом, Европой и Россией, методологию «долгого средневековья» можно применить к исследованию социальных процессов среди татар XIX – начала XX вв.

Конечно, возникает очень существенный для историков вопрос о том, почему капитализм среди татар не возник раньше, но он настолько сложен, что требует самостоятельного исследования. Ирония судьбы заключается в том, что Генуя и Венеция, где зародился капитализм, начали укрепляться

как морские державы в эпоху расцвета Золотой Орды, причем именно за счет торговли с ней. Бродель пишет: «Главное богатство Генуи заключалось в колониях, основанных ею далеко от Константинополя, на границах Византийской империи, в Каффе, Тане, Солдае и Трапезунде... Это были торговые фактории»²⁷. Речь идет о городах черноморского побережья, через которые вывозились многие товары с территории Золотой Орды. Они имели особый статус. В качестве иллюстрации можно привести один из множества документов, связанных со сбором налогов с венецианских и генуэзских купцов. Уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам от 20 сентября 1358 г., написанное в ставке Ахтуба на Волге, гласит:

«Слово Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам.

Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдаю*, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им не понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю.

Так что тому, кто этим [документом] владеет, он дан нами. Дата: [на-

писано в год собаки], хиджры [759-го], в ставке, в месяце шавваль, дня пятнадцатого»²⁸.

При торговле с иностранцами содержались специальные «сборщики коммеркий», что включало в себя ввозную пошлину, налог с оборота и таксы за взвешивание товара. Ввозная пошлина взималась в виде точно фиксированной суммы с любого тюка ввозимых товаров вне зависимости от их цены. Налог с оборота составлял 3% (иногда – 5%) от стоимости данного товара, если сделка совершалась между иностранцами и ордынцами. Такса при взвешивании на государственных весах составляла 1,5% от его стоимости. Причем таксу за взвешивание полагалось платить контрагентам даже в случае, если сделка совершалась между иностранцами. Налог с оборота назывался «тамга» и собирал ее «тамгачи», т.е. таможенник. Такса за взвешивание товаров называлась «тартанак», ее взыскивал «тартанакчи», т.е. весовщик. При этом с обеих сторон выделялись уполномоченные (от ханского таможенника и иностранного консула), которые следили за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора²⁹. С торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью торговый налог не брали, чтобы стимулировать поступление этих предметов в Орду. На некоторые товары налог мог быть очень высоким. В ярлыке хана Джанибека, данном венецианским купцам Азова, есть следующие строки: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, ему надлежит уплатить нам коммеркий: больший – пятьдесят за сотню и меньший коммеркий – сорок, как делают генуэзцы»³⁰. Такой высокий налог вводил

* Порт Провато находился в непосредственной близости от Каффы (нынешней Феодосии) и назывался по-тюркски Янгишехр. Порт Калитра (нынешний Коктебель) находился в десяти километрах к юго-западу от Провато. Далее на юго-запад в 35–37 км от Калитры находился порт Солдая (нынешний Судак).

ся для поддержки внутреннего производства. Иностранцы, содержавшие таверны в выделенных для них кварталах Крыма или Северного Причерноморья, не должны были платить ни «айлык» («месячный сбор»), ни ясак («ежегодный налог»).

Анализ экспорта Золотой Орды через порты Крыма в итальянские государства показывает, что торговля была важной составной частью экономики страны. Главным экспортным товаром было зерно, прежде всего, пшеница, особенно ценная в Европе, где голод в те времена был обычным явлением. С конца XIII в. генуэзцы покупали также осетра и другую рыбу. Важной статьёй торговли с итальянцами была соль. В XIV в. через Каффу шла торговля шелком, воском, кожей, мехами, хлопком, мастикой, металлом и полезными ископаемыми. Рабы также были ходким товаром, на них был спрос повсюду – на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Западной Европе. Эта торговля началась задолго до возникновения Золотой Орды и продолжилась после ее распада. Среди рабов были черкесы, турки, лазы, венгры, русские, половцы, татары и др. В 1381 г. от 4 до 10% населения Генуи состояло из рабов, купленных в основном на рынках Крыма.

Затраты на перевозку по воде были гораздо меньше, чем сухопутным транспортом, поэтому в торговле доминировали итальянские морские государства, имевшие в Крыму собственные города и колонии. Так, Каффа, по словам Ибн Баттута, чудная гавань, где он застал «до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира»³¹. Каффа в те времена была крупнейшим портом мира. Золотая Орда торговала и с другими европейскими государствами, а также с Индией, куда продавали в большом количестве лошадей.

Для стимулирования торговли проводились денежные реформы. Вес серебряного дирхама, чеканившегося в Булгаре, в течение правления Берке

понижился с 1,56 до 1,365 грамма. Токта ввел монеты, весящие 1,485 грамма. При Узбеке дирхам весил 1,47–1,49 грамма. Монеты Джанибека весили 1,52–1,56 грамма. Шесть дирхамов приравнивались золотой монете, называвшейся алтын (или в арабском языке динар), весившей 9,12 грамма. Сто двадцать дирхамов равнялись сот – 182,4 грамма, и 300 дирхамов равнялись кадак или фунту – 456 граммов³². Сарайский дирхем стал господствующей монетой не только в Золотой Орде, но и в сопредельных странах.

Важную роль в стимулировании международной торговли играли города, чье количество стремительно росло со времен Бату-хана. Столица государства – Сарай, он насчитывал 75 тыс. жителей и был красивейшим и крупнейшим городом своего времени, сравнимым с Генуей, Миланом, Парижем. Города обеспечивали безопасность купцов, предоставляли необходимую инфраструктуру – рынки, помещения, склады, таможенные пункты, тем самым увеличивали оборот в торговле, а значит, вели к росту налоговых поступлений. Не случайно столицы Сарай и Новый Сарай были расположены на стратегических перекрестках международной торговли и выполняли функцию коммерческих центров. Города строились вдоль торговых маршрутов. Они стали также центрами ремесла. Л.Ю.Якубовский писал даже о «металлургической промышленности» Сарая-Берке, который обслуживал нужды как «городской, так и сельской местности всеми металлическими изделиями: лопатой, топором, пилой, серпом, гвоздями и разнообразным холодным оружием»³³. В золотоордынских городах действовали водопровод из керамических труб и канализация, сделанная из деревянных труб, были многочисленные фонтаны и восточные городские бани.

Ко всему следует добавить наличие средств коммуникации, которые обеспечивали хорошее управление государством и развитие торговых отно-

шений. Персидский историк Мирхонд писал, что при Чингисхане «города и большие дороги стали свободны и открыты купцам всякого рода. Он хотел обеспечить их такой безопасностью и спокойствием, чтобы каждый в пределах его господства мог нести на голове своей золото без всякой опасности [быть ограбленным], так, как люди носят простые горшки»³⁴. Для эффективного управления была создана сеть почтовых станций (ямов), которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Марко Поло, который пользовался почтовой службой во время своего путешествия, свидетельствует: «Через каждые 25 миль посланцы великого хана находят станцию, которая по-монгольски называется “ям”, т.е. “станция с почтовыми лошадьми”. В некоторых ямах было по 400 коней. Всего великий хан содержал до 400 000 коней»³⁵. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей...»³⁶. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались и собиралась специальная дорожная пошлина. В особых случаях, когда известие или лицо должно было быть доставлено срочно, едущему выдавалась табличка с изображением сокола; каждая станция, как только услышит колокольчик скачущих, тотчас обязана была приготовить лоша-

дей так, чтобы перепряжка могла быть незамедлительной. Обладая такой табличкой мог, в случае падежа лошади в пути, отобрать коней у любого встречного. При таком способе передвижения можно было проехать в день до 250 миль. Эти дороги великий хан приказал обсадить большими деревьями; в пустынных местностях дорога обозначалась столбиками, камнями и т.п. Для переправы через реки жители окрестных селений должны были иметь паромы. В XIII–XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай.

Для того чтобы понять историческую значимость этой системы, нужно представить Европу того времени. Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами... бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошрины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...»³⁷. В те времена не было системы коммуникаций, сравнимой с почтовой службой Золотой Орды. К XIX в. эта система была полностью разрушена и, например, Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями. Остались только воспоминания в фольклоре в виде песен о ямщике и его непременно атрибуте – колокольчике.

Этот небольшой экскурс в прошлое Золотой Орды показывает, что там существовали все предпосылки для появления капиталистических отношений: развитые города, высокая профессиональная культура, наука, совершенная по тем временам финансовая система, развитое земледелие, средства комму-

никации, сравнимые по масштабу с морскими путями Средиземноморья, значительные объемы торговых операций и т.д. Чего же не было из того, что появилось в Генуе и позже в Венеции?

В качестве догадки назовем одну из причин – это возможность получения займа, что сдерживалось запретом на получение процента, как ростовщичество. Кредит был необходимостью для земледельческих экономик, подверженных катастрофам и повторяющимся случайностям погоды. С ускорением денежной экономики, у которой никогда не хватало золотой или серебряной монеты для функционирования, стало неизбежным признание за «осуждаемым» ростовщичеством права действовать в открытую. Борьбу с ростовщическим займом вели папство и церковь со всей суровостью – нераскаявшегося ростовщика не допускали к причастию и он не мог быть погребен в освященной земле. Средневековая мысль в этом вопросе опиралась на Аристотеля, считавшего, что ростовщичество присутствует всякий раз, когда заем приносит доход. «Но мысль схоластов пробила брешь, – пишет Бродель. – В чем она пошла на уступки? Процент-де становился законным, когда для заимодавца возникал либо риск (*damnum emergens*), либо невозможность получить прибыль (*lucrum cessans*). Эти тонкости открывали множество дверей. Так, “обмен” (*cambium*) представлял собой перевод денег; вексель, который был его конкретной формой, мог спокойно циркулировать с рынка на рынок, поскольку выгода, которую он обычно приносил, не была обеспечена заранее, имелся риск. Как ростовщический рассматривался лишь “сухой обмен” (*cambio seco*), с фиктивными векселями, не перемещавшимися с одного рынка на другой; и к тому были основания, поскольку “сухой обмен” в действительности служил для того, чтобы маскировать заем под проценты. Точно так же церковь разрешала займы государю и государству; равно как и прибыли торговых това-

риществ (генуэзской *commenda*, венецианской *colleganza*, флорентийского *societas*). Даже помещение денег у банкира (*depositi a discrezione*), которое церковь осуждала, станет разрешенным, коль скоро доходы от них скрывались под названием участия в предприятии. Дело в том, что в эпоху, когда экономическая жизнь стала вновь стремительно развиваться, пытаться запретить деньгам приносить доход было пустым делом»³⁸. Экономический подъем во многом проистекал из большей легкости получения займа, а следовательно, из большей дешевизны денег, что стало отличительным признаком капитализма. В ряде стран юга, а затем и севера Европы произошла трансформация ментальности, но многие страны как христианского, так и мусульманского мира оставались во власти канонического запрещения процента.

Золотая Орда находилась под доминирующим влиянием ислама, особенно после его объявления Узбек-ханом государственной религией. Для Золотой Орды не были присущи те политические и идейные свободы, которые утвердились в Генуе и Венеции, а потому богословская мысль придерживалась жестких норм шариата, запрещавших взимание процента. К внутренним политическим распрям Золотой Орды добавилась черная смерть (чума), опустошившая города, через которые и шла основная торговля³⁹. Ле Гофф пишет о ситуации в Европе, которая была характерна и для Золотой Орды: «Все чаще и чаще великим переломным моментом европейской истории ученые называют эпидемию бубонной чумы, разразившуюся в 1347–1348 гг.; после этого бедствия история начинает делиться на время “до чумы” и “после”, на время процветания и время кризиса, время уверенности и время сомнений. Таким образом, эпидемия чумы является “временем большой протяженности”; игнорируя Ренессанс, чума влияет на демографическую, биологическую и психологическую историю Запада вплоть до 1720 г., когда в Мар-

селе была зафиксирована последняя ее вспышка»⁴⁰. Можно назвать и другие причины распада Золотой Орды, кроме чумы, для нас важно отметить, что дальнейшее существование тюрко-татарских ханств не сопровождалось модернизацией экономики. Эта задача стала миссией поколения людей XIX в.

Исторические шаги народа не идут размеренной походкой. Их нельзя описать взлетами и падениями, опираясь на важные, шумные, значительные события. Некоторые из величайших революций совершаются незаметно и для понимания хода истории важны периоды трансформации народа на иной качественный уровень, т.е. уровень более сложной экономики, мировоззрения, ценностей и норм поведения. Периодизация, принятая в научной литературе, важна в процессе преподавания истории с тем, чтобы можно было сравнивать жизнь различных народов и стран, но в сугубо исследовательских целях она плохой помощник. Синхронизация периодов исто-

рии татарского народа с другими имеет смысл, если можно проводить реальное сравнение, за которым следуют обоснованные выводы. Бесспорно, интересно и важно синхронизировать историю русских и татар, которые практически одновременно вступают в капиталистические отношения, но такое сравнение с Европой того времени не несет дополнительной информации. Сравнение татарской и русской культур Нового времени имеет смысл с точки зрения влияния русской литературы и культуры на татарскую, но мало имеет смысла проводить аналогию эволюции мусульманских и православных структур. Гораздо больший интерес представляет сравнение русского богоискательства и татарского джадидизма. Синхронизация истории татар с исламским миром не ведет к каким-либо научным открытиям, но зато имеет смысл сравнивать реформирование татарского ислама с европейским средневековьем, особенно с эпохой Реформации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Татар халык ижаты. Дастаннар. – Казан, 1984. – 35 б.
- ² Там же. – С. 40.
- ³ Там же. – С. 45.
- ⁴ Там же. – С. 60.
- ⁵ Идегей: татарский народный эпос. – Казань, 1990. – С. 7.
- ⁶ Идегей... – С. 17.
- ⁷ Цит по: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 285.
- ⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... – С. 287.
- ⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III: История России с древнейших времен. Т.5–6. М., 1989. – С. 470.
- ¹⁰ Идегей... – С. 99.
- ¹¹ Идегей... – С. 101.
- ¹² Идегей... – С. 29.
- ¹³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – С. 219.
- ¹⁴ См.: *Борыңгы татар әдәбияте...* – 37 б.
- ¹⁵ Бәетләр. – Казан, 1960. – 53 б.
- ¹⁶ *Борыңгы татар әдәбияте...* – 173 б.
- ¹⁷ Идегей... – С. 115.
- ¹⁸ Идегей... – С. 125.
- ¹⁹ Идегей... – С. 167.
- ²⁰ Золотая Орда в источниках. Том первый. – М., 2003. – С. 423–424.
- ²¹ См. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 689.
- ²² Идегей... – С. 197.

- ²³ Идегей... – С. 207.
- ²⁴ Фридрих Август фон Хайек. Дорога к рабству. – М., 2010. – С.38.
- ²⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М., 2001. – С. 16.
- ²⁶ Там же. – С. 36.
- ²⁷ Фернан Бродель. Средиземное море... – С. 466.
- ²⁸ См. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002.
- ²⁹ См. Там же. – С. 15, 27.
- ³⁰ Там же. – С. 59.
- ³¹ Золотая Орда в источниках... – С.126.
- ³² См. Мөхәммәдиев Ә.Г. Гомуми һәм төрки-татар нумизматикасы. – Казан, 2003, 124–142 б. См. также Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.
- ³³ Якубовский Л.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берке//Изв. ГАИМК. VIII. Вып. 2–3. – Л., 1931. – С. 15.
- ³⁴ Цит. по: Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. – Брюссель. 1939. – С. 22.
- ³⁵ Марко Поло.
- ³⁶ Золотая Орда в источниках... – С. 208.
- ³⁷ Жак Ле Гофф. Цивилизации средневекового Запада. – М., 1992. – С. 128–129.
- ³⁸ Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – С. 355.
- ³⁹ См. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III... – С. 686–690.
- ⁴⁰ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого... – С. 33.

Аннотация

В статье евразийство рассматривается с точки зрения этничности татар, корни которой восходят к Первому Тюркскому каганату. Анализируются верования тюркских, финно-угорских народов, а также дохристианские религиозные традиции в Киевской Руси, выражающиеся, в частности, в поклонении деревьям.

От культа деревьев автор переходит к тенгрианству, которое вплотную приблизили к монотеизму. На примере рунических текстов он раскрывает сакральный смысл таких символов, как Солнце и Луна, который подтверждается традициями, сохранившимися у крышен и мишарей (праздник Нардуган).

Кроме того, в статье уделяется значительное внимание тюркской мифологии и вопросам изменения самосознания татар в связи с принятием ислама 922 г.

Ключевые слова: евразийство, Первый Тюркский каганат, верования, дохристианские религиозные традиции, культ деревьев, тенгрианство, Нардуган, тюркская мифология, ислам.

Summary

In the article Eurasianism is considered in terms of ethnicity of the Tatars, whose roots date back to the First Turkic khanate. The author of the article analyzes the beliefs of Turkic, Finno-Ugric peoples, as well as pre-Christian religious tradition in Kievan Rus, expressed in particular in the worship of trees.

From the cult of trees, the author proceeds to Tengrianism, which came close to monotheism. On the example of the runic texts, he reveals the sacred meaning of such symbols as the Sun and the Moon, which is confirmed by the traditions, preserved by Kryashens and Mishars (holiday Nardugan).

In addition, the article pays considerable attention to the mythology of the Turkic and Tatar self-change with the adoption of Islam in 922.

Keywords: Eurasianism, the first Turkic Khanate, beliefs, pre-Christian religious tradition, the cult of trees, Tengrianism, Nardugan, Turkic mythology, Islam.